

***Александр Полунов: Монархист-оппозиционер и националист-народник
Г.П. Сазонов***

*Alexander Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Monarchist-oppositionist and nationalist-narodnik G.P. Sazonov*

DOI: 10.31857/S0869568722010162

В 1923 г. журналист и экономист Г.П. Сазонов, столкнувшись с необходимостью доказать свою лояльность советской власти, взялся за переработку автобиографических заметок. В новом их варианте говорилось, что, сотрудничая до революции с властями, мемуарист якобы на деле «всегда вёл валенрод[овскую] политику, был врагом царск[ого] правительства... устраивал заговоры для террор[истических] актов против рус[ского] правительства». По словам общественного деятеля, «черты республиканского характера» выявились в его натуре с самых ранних лет, а «революционный бацилл» свил гнездо в его семействе (с. 420). Разумеется, в значительной степени эти заявления диктовались прагматическими соображениями — стремлением оградить себя от репрессий, обеспечить себе спокойную старость. Сказывалось и известное приспособленчество Сазонова. Однако далеко не всё в откровениях престарелого экономиста являлось неправдой. Сочетание левых, социалистических воззрений и готовности сотрудничать с высокопоставленными особами во многих случаях было для него вполне органично. В известной степени это предопределило головокружительные кульбиты в судьбе героя монографии В.В. Зверева: от участия в революционном движении до контактов с А.Д. Пазухиным, К.П. Победоносцевым, Г.Е. Распутиным. Но в них отражались также важные и далеко не в полной мере изученные тенденции общественно-политического развития России второй половины XIX — начала XX в.

Одной из проблем, вставших перед Россией сразу после отмены крепостного права (а отчасти обозначившихся уже в период подготовки крестьянской реформы), стал своеобразный раскол в среде консерваторов. Часть охранителей полагала, что прочной основой общественного порядка в новых условиях может быть только укрепление и распространение частной собственности, опора на дворян-землевладельцев и зажиточные верхи крестьянства при ликвидации крестьянской общины. Подобные воззрения в 1860-е гг. развивала газета «Весть», их поддерживал министр внутренних дел П.А. Валуев, при Александре III о том же говорили государственный секретарь А.А. Половцов, министр императорского двора гр. И.И. Воронцов-Дашков и др. Но иные консервативные деятели (и особенно те из них, кто был в той или иной степени близок к славянофильству, как, например, К.П. Победоносцев), напротив, утверждали, что именно разрушение общины и традиционного уклада сельской жизни подорвёт основы

социальной стабильности. Им казалось смертельно опасным широкое распространение в России индивидуализма и появление многомиллионного пролетариата. По сути, именно их мнения восторжествовали к концу XIX в. Это выразилось, в частности, в законе 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских наделов, ставшем важнейшим мероприятием царствования Александра III в аграрной сфере. Парадокс заключался в том, что забота о сохранении общинных ценностей «простого народа» оказывалась во многом созвучна идеям народничества. «У этого алтаря, — писал об общине известный общественный деятель К.Ф. Головин, — слился дым от каминов наших правых и левых... Натуральное хозяйство и возделывание хлеба лишь на собственное потребление, а не на продажу, было до некоторой степени общим идеалом обоих»⁴.

В условиях, когда в позициях представителей, казалось бы, крайне далёких друг от друга общественных течений обнаруживались точки соприкосновения, возникали самые причудливые сближения и размежевания, неожиданные альянсы и переходы из одного лагеря в другой. В данном контексте и следует рассматривать жизненный путь Сазонова. Выходец из провинциальной мещанско-купеческой семьи, он, как и многие его сверстники, в 1870-е гг. увлекался леворадикальными теориями, симпатизировал социализму, интересовался рабочими артелями, видя в них залог установления справедливого общественного строя. Капитализм и олицетворявшие его кулаки-ростовщики всегда вызывали у Георгия Петровича крайнюю неприязнь. Подобные установки подтолкнули молодого человека к участию в революционном движении, за этим последовали аресты, высылки, отдача под надзор полиции. Вместе с тем, когда в середине 1880-х гг. поражение революционеров стало очевидным, бывший радикал — видимо, вполне искренно — сделал ставку на сотрудничество с самодержавием. В новых условиях, казалось, только оно могло выполнить задачу, реализация которой ранее связывалась с социалистическим переворотом — защитить крестьян от социального расслоения, пролетаризации, утраты самобытности и т.д.⁵

На изменение настроений Сазонова могли повлиять и его поездки по России в 1880-е гг.: он изучал артели, общался с крестьянами, не скрывавшими веру в попечительную власть монарха и «мечтания.., что царь даст мужикам землю». Причём, как убедился народник, «мечтания эти только и связываются с именем царя» (с. 147). Такие наблюдения подготовили почву для его сотрудничества с влиятельными консерваторами — правителем канцелярии министра внутренних дел А.Д. Пазухиным, обер-прокурором Святейшего Синода и негласным ближайшим советником Александра III К.П. Победоносцевым, редактором журнала «Гражданин» кн. В.П. Мещерским. Видимо, с одобрения своих покровителей Сазонов в начале 1890-х гг. выступил с публичной критикой проектов разрушения общины, пользовавшихся популярностью в правящих кругах и поддерживавшихся тем же гр. Воронцовым-Дашковым. Нарботки экономиста способствовали и подготовке закона 1893 г. о неотчуждаемости наделов.

⁴ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. II. СПб., 1910. С. 67.

⁵ Разумеется, подобная эволюция была характерна не только для Сазонова. Самый яркий пример «обратившегося нигилиста» — Л.А. Тихомиров, однако были и другие революционеры, повторившие (по крайней мере, отчасти) его идейный путь. Так, известный народник И.И. Каблиц (Юзов) в 1880-е гг. признал благотельное значение правительственной опеки самодержавия над крестьянством, пришёл к мысли о необходимости сотрудничества с властями и закончил жизнь чиновником Государственного контроля.

Говоря о взаимодействии бывшего революционера с консерваторами, необходимо отметить, что наиболее дальновидные из них были готовы к подобным контактам и стремились использовать их в своих интересах. Так, для Победоносцева взаимодействие с Сазоновым не являлось чем-то исключительным. В ряде случаев он покровительствовал людям леворадикальных взглядов или вступал с ними в сотрудничество, если улавливал в их размышлениях нечто, близкое его собственным идеалам, рассчитывал вернуть их «на путь истинный» или даже надеялся с их помощью решить те или иные проблемы на местах «через голову» бюрократии. Наиболее яркий пример — его общение с А.К. Маликовым, основателем религиозно окрашенного народнического течения «богочеловеков». Консервативный сановник в течение многих лет вёл с ним переписку, ходатайствовал о смягчении налагавшихся на него наказаний. Интеллектуальная и духовная одиссея Маликова закончилась в 1880-е гг. возвращением к традиционному православию⁶.

Заслуживают также внимания связи Победоносцева с революционером-народником Н.К. Судзиловским (Русселем), эмигрировавшим в 1887 г. в США. Они активно переписывались в начале 1890-х гг., когда в Сан-Франциско возник конфликт между главой православной епархии в Америке епископом Владимиром (Соколовским) и частью местной русской общины. Глава духовного ведомства с доверием относился к сведениям, сообщаемым эмигрантом, а тот заявлял о своей лояльности монархии и готовности перейти на службу правительству⁷. Чрезвычайно интересно и знакомство Победоносцева с близким к революционным кругам эмигрантом П.А. Дементьевым (Деменсом). По его настоянию обер-прокурор Святейшего Синода оказал помощь переселившимся в Канаду сектантам-духоборам, часть которых в начале 1900-х гг. изъявила желание вернуться в Россию⁸.

Однако, сближаясь с высокопоставленными консерваторами, Сазонов, по видимому, искренне стремился обеспечить себе самостоятельное место в политической жизни страны. Воспринимая монархию как патриархальное установление, основанное на личной власти царя, и относясь к «бюрократизму» с не меньшей неприязнью, чем к «кулачеству» и «ростовщичеству», бывший революционер рассматривал себя как доверенного слугу императора (или, по крайней мере, как сотрудника лица, пользующегося царским доверием). Следует отметить, что подобные амбиции вполне соответствовали тенденциям, распространённым в 1880 — начале 1890-х гг. в верхах Российской империи. В то время монархи всё чаще проявляли склонность вести дела в обход правительственного аппарата, полагаясь на лиц, чуждых чиновничьим структурам. Наделение Сазонова важными полномочиями по сбору информации в ходе борьбы с голодом 1891—1892 гг., направление его в чрезвычайные командировки с инспекциями весьма напоминало другие, более известные явления — предоставление А.А. Вендриху в конце 1880-х гг. особых полномочий по управлению железными дорогами, предприятия тибетского лекаря П.А. Бадмаева, действовавшего на восточных окраинах импе-

⁶ *Короленко В.Г.* История моего современника. Т. 3–4. М., 1985. С. 184–193; *Соловьёв К.А.* «Я сказал: вы — боги». Религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. («богочеловечество»). М., 1998. С. 24, 36–37, 42–43, 111–113.

⁷ *Emmons T.* Alleged Sex and Threatened Violence: Doctor Russel, Bishop Vladimir, and the Russians in San Francisco, 1887–1892. Stanford (Calif.), 1997. P. 83–84.

⁸ *Тверской П.А.* Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым // Вестник Европы. 1907. № 12. С. 652–657.

рии по личному поручению Александра III, или начинания статистика А.А. Клопова, ставшего персональным информатором Николая II⁹.

Желая донести до царя предположительно скрываемую от него ведомствами правду, Сазонов пытался использовать в своих целях печать и в 1899 г. стал редактором-издателем газеты «Россия». Это также было типично для второй половины XIX — начала XX в. Достаточно вспомнить начинания М.П. Соловьёва, назначенного, благодаря Победоносцеву, начальником Главного управления по делам печати, чужого в министерской среде и старавшегося в 1896—1899 гг. превратить данное учреждение в самостоятельный центр власти, который через печать держал бы под контролем весь государственный аппарат и тем самым придал бы монархии «живой», небюрократический характер¹⁰. Схожими представлениями, видимо, руководствовался и Сазонов, надевшийся сделать из «России» орган «прогрессивный, резко оппозиционный, но строго государственного направления» (с. 248). Он действительно старался отстаивать интересы монархии, занимая независимую позицию и подвергая критике тех сановников, чья деятельность, в его понимании, противоречила интересам самодержавия. Разумеется, далеко не все сотрудники Сазонова понимали всю тонкость его замысла, некоторые из них постепенно «сдвигались» в своих публикациях к жанру хлёсткого памфлета. Это закончилось появлением, судя по всему, без ведома Георгия Петровича, знаменитого фельетона «Господа Обмановы», после чего бывшего радикала вновь выслали из Петербурга (правда, ненадолго) и отдали под надзор полиции.

Политика С.Ю. Витте, направленная на усиление крупной индустрии и воспринимавшаяся как насаждение в России капитализма, реформы П.А. Столыпина, сознательно разрушавшие общину и способствовавшие распространению частной собственности на землю — все эти меры, естественно, вызывали у Сазонова отторжение и резкий протест. «Земля, — утверждал монархист-оппозиционер, — неотразимо влияет на крестьянина, она вяжет его с природой в одно целое, развивает в нём веру в Бога и в святость помыслов Его помазанника, делает его фаталистом и консерватором». Как и раньше, экономист-народник напоминал об опасности для России стремительного роста пролетариата (с. 301). Веря в особые качества простого народа, Сазонов в какой-то момент увлёкся Г.Е. Распутиным. На первых порах он даже покровительствовал появившемуся в столице «старцу». В этой фигуре он усматривал ещё один способ придать монархии подлинно народный характер. Впоследствии Георгий Петрович ввязался в ряд авантюр, попытавшись при помощи Распутина влиять на назначения министров, но не преуспел на этом поприще.

Ориентация на ценности, реально или предположительно разделяемые большей частью народа (одна из ключевых установок народничества), могла толкнуть бывших революционеров и в ряды националистов. Неудивительно, что в 1908 г. Сазонов оказался среди основателей Всероссийского национального союза, ведь и прежде, в «России», Георгий Петрович возмущался «юдофильством» своих сотрудников¹¹. В годы Первой мировой войны он активно

⁹ Семенников В.П. Тибетский врач и русская монархия // За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1935. С. XVII—XXXI; Лукоянов И.В. Тайный корреспондент Николая II А.А. Клопов // Из глубины времён. Вып. 6. СПб., 1996. С. 64—86.

¹⁰ Ясинский И.И. М.П. Соловьёв // Цензура в России. СПб., 2003. С. 259.

¹¹ Схожую эволюцию прошёл и член Исполнительного комитета «Народной воли» Г.Г. Романенко, примкнувший в начале 1900-х гг. к Союзу русского народа.

боролся с «немецким засильем». Собственно, внезапно «всплывшая» информация о «черносотенном» прошлом и стала причиной неприятностей, прервавших в начале 1920-х гг. сотрудничество Сазонова с советским руководством. А оно, как ни парадоксально, развивалось тогда весьма успешно, причём по инициативе самого экономиста-народника, в 1918 г. обсуждавшего с В.И. Ульяновым (Лениным) планы преодоления хозяйственной разрухи, а в 1923 г. беседовавшего с М.И. Калининым. Издательство газеты «Известия» напечатало книгу Сазонова «Проблемы богатств СССР», где выдвигались масштабные проекты преобразований природы. Конечно, бывшего протеже Победоносцева и кн. Мещерского можно заподозрить в лицемерии, приспособленчестве, нездоровом влечении к властям. Однако реальность была всё же сложнее.

Ещё с середины 1880-х гг., по мере разочарования в революционном движении (а может быть, и раньше — в начале десятилетия, когда он примыкал к движению «немистов», собиравшихся декретировать социализм в России «сверху»), Сазонов уверовал в то, что лишь государство может проводить преобразования в интересах широких масс. Нельзя забывать, что его мировоззрение, при всём восхищении народной стихией, опиралось на просвещенческий рационализм. По словам Зверева, Георгий Петрович был «воспитан в духе всеилия человеческого разума и всемогущества науки», являлся искренним сторонником «достижения и подчинения сил природы» (с. 57). Колоссальный потенциал государственной власти был для него важнее, чем те или иные её характеристики. Как отмечает исследователь, после революции Сазонов разочаровался в прежних правителях, «но не в силе государства и его возможностях» (с. 40).

Таким образом, готовность Сазонова к сотрудничеству с большевиками могла быть столь же искренней, как и его прежняя консервативная публицистика. Да и рассказывая в автобиографии о своей оппозиционности до 1917 г. и участии в революционном движении, он не во всём кривил душой. В его мировоззрении прочно переплелись левый радикализм и монархизм, народничество и национализм, тяга к независимости и культ сильной власти. Их переплетение не было случайностью, оно отражало важнейшие тенденции эпохи и вместе с тем придало биографии Сазонова особый колорит, сделав её чрезвычайно интересной для изучения.